

С. А. Нефедов*ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург*

ТЕОРИЯ ВОЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ РОССИИ*

Общеизвестно, что строительство первых металлургических заводов на Урале было связано с необходимостью обеспечения вооружением созданной Петром I регулярной армии. Создание регулярной армии, в свою очередь, было следствием общеевропейского процесса, который историки называют военной революцией.

Созданная Майклом Робертсом теория военной революции утверждает, что на протяжении последних трех тысячелетий в мире произошло несколько военных революций, каждая из которых была началом нового этапа истории. «Это – историческая банальность, – писал М. Робертс, – что революции в военной технике обычно приводили к широко разветвленным последствиям. Появление конных воинов (точнее, колесничих – *С. Н.*)... в середине II тыс. до н. э., триумф тяжелой кавалерии, связанный с появлением стремени в IV веке христианской эры, научная революция в вооружениях в наши дни – все эти события признаются большими поворотными пунктами в истории человечества»¹.

М. Робертс подробно проанализировал лишь одну из военных революций – революцию середины XVII в. Эта революция была связана прежде всего с появлением легкой артиллерии. В прежние времена качество литья было плохим, и это вынуждало делать стенки ствола пушек настолько толстыми, что даже малокалиберные орудия было трудно перевозить по полю боя. Французская «3-фунтовая» (стрелявшая ядрами в 3 фунта) пушка весила 30 пудов и требовала запряжки из четырех лошадей, притом что скорострельность и боевая эффективность этого орудия были очень низкими. Шведский король Густав Адольф (1611–1632) осознал, какие перспективы открывает улучшение качества литья, и приступил к целенаправленным работам по созданию легкой полевой артиллерии.

Эти работы продолжались более десяти лет, и в конце концов в 1629 г. была создана легкая «полковая пушка» – *regementsstycke*². 3-фунтовая «полковая пушка» весила всего лишь семь пудов, ее могла везти одна лошадь; два-три солдата могли катить ее по полю боя рядом с шеренгами пехоты. Таким образом, пехота получала постоянную

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00114 «Волны вестернизации в России (XVII – начало XX в.)».

огневую поддержку. Стенки ствола «полковой пушки» были настолько тонкими, что она не могла стрелять ядрами – секрет *regementsstycke* состоял в том, что это была первая пушка-гаубица, предназначенная для стрельбы картечью. Благодаря применению специальных патронов «полковая пушка» обладала невиданной скорострельностью: она делала до шести выстрелов в минуту и буквально засыпала противника картечью³. «Это была фундаментальная инновация», – писал М. Робертс⁴.

После изобретения *regementsstycke* в руках Густава Адольфа оказалось новое оружие, но нужно было создать армию, которая смогла бы использовать это оружие. Швеция была маленькой и бедной страной, в 1623 г. доход королевства составлял 1,6 млн рейхсталеров; на эти деньги можно было содержать не более 15 тыс. наемников. Естественный выход из финансовых затруднений состоял в использовании уникального шведского института – всеобщей воинской повинности. Густав Адольф упорядочил несение этой повинности: в армию стали призывать одного из десяти военнообязанных мужчин и срок службы был установлен в 20 лет⁵. В 1626–1630 гг. Густав Адольф призвал в войска 50 тыс. рекрутов; таким образом, была создана первая в Европе регулярная армия. Создание регулярной армии породило волну шведских завоеваний. В 1630 г. шведские войска высадились в Германии, а год спустя в битве при Брейтенфельде шведские пушки расстреляли армию императора Фердинанда II⁶. К середине XVII в. шведы стали хозяевами Центральной Европы, в своих походах шведские армии достигали южных областей Германии и Польши и даже Украины.

Громкие победы шведской армии вызвали заимствование шведских военных и социальных инноваций прежде всего в государствах, терпевших поражения в борьбе со Швецией, – в германских княжествах (прежде всего в Бранденбурге), в империи Габсбургов, в Дании, в России. Необходимость создания регулярной армии, стремление обеспечить эту армию артиллерией и пехотным оружием стала причиной создания комплекса металлургических и оружейных заводов на Урале – заводов, которые на столетия определили экономический облик региона.

Государства, не сумевшие перенять оружие противника, как показывает опыт Польши в конечном счете ждала гибель. Как полагает Майкл Робертс, военная революция изменила весь ход истории Европы. Появление регулярных армий потребовало увеличения налогов, создания эффективной налоговой системы и сильного бюрократического аппарата. Появление новой армии, новой бюрократии, новой финансовой системы означали огромное усиление центральной власти и становление режима, который Брайан Даунинг называет «военно-бюрократическим абсолютизмом»⁷. «Строгая дисциплина..., требуемая новой ли-

нейной тактикой, согласовывалась с тенденцией эпохи к абсолютизму, – писал М. Робертс. – Это наводило на мысль, что дисциплина, дающая успех в боевой обстановке, могла дать положительный результат в применении к гражданскому обществу. Правитель все более и более ассоциировался с главнокомандующим, и из новой дисциплины и обучения рождался не только самодержец, но и тот особый тип монарха, который обозначался термином Kridgherr («военный вождь» – С. Н.)»⁸.

Нуждаясь в ресурсах, военно-бюрократический абсолютизм перераспределял доходы в свою пользу; при этом ему приходилось преодолевать сопротивление старой знати, которая терпела поражение в этой борьбе и теряла свое политическое значение⁹. Могущество средневековой рыцарской аристократии было основано на средневековой военной технике, на господстве рыцарской кавалерии. Военная революция лишила аристократию ее оружия; новое оружие стало оружием массовых армий, состоявших преимущественно из простолюдинов и руководимых абсолютными монархами. Современными социологами статистически доказано существование связи между военной техникой и социальным строем; эта связь выражается, в частности, в том, что преобладание рыцарской кавалерии порождает господство аристократии, а появление мушкетов и пушек способствует установлению абсолютной монархии¹⁰. После «военной революции» дворянству приходится искать свое место в новой армии и в новом обществе, и абсолютизм указывает дворянству его новое положение – положение офицерства регулярной армии. Однако вместе с тем абсолютизм открывает дворянское сословие для офицеров-простолюдинов и вводит «табели о рангах», определяющие порядок выдвижения не по знатности, а по заслугам¹¹.

С другой стороны, увеличение налогов означало новые и часто нестерпимые тяготы для населения, вызывало голод, всеобщее недовольство и восстания. Тридцатилетняя война, в ходе которой на поле боя впервые появились массовые армии, потребовала от государств огромного увеличения военных расходов. Монархи оказывались вынужденными увеличивать налоги и нарушать привилегии сословий, что стало причиной Фронды, восстаний в Испании и Италии и других социальных движений, ассоциируемых с так называемым «кризисом XVII века»¹².

Во второй половине XX в. теория «военной революции» стала общепринятым инструментом при анализе социально-экономического развития различных стран Европы. Однако некоторые вопросы этой теории остаются дискуссионными и по сей день. К таким вопросам, в частности, относится вопрос о датировке военной революции раннего нового времени. Некоторые авторы вполне резонно полагают, что началом этой революции было появление огнестрельного оружия и относят первый

этап военной революции ко второй половине XV – началу XVI в.¹³ Что касается создания легкой артиллерии и реформ Густава Адольфа, то они знаменуют собой второй этап «военной революции». По-видимому, можно говорить также и о третьем этапе «военной революции»; этот этап был связан с появлением штыка и окончательном утверждении линейной тактики в первой половине XVIII в. Олицетворением этого нового этапа были победы Фридриха Великого и вызванная ими новая волна заимствований. Последний этап военной революции в XVIII в., как отмечают Е. Голдмен и Р. Андерс, был связан с введением воинской повинности и созданием тактики использования формируемых на основе этой повинности огромных армий. Этот этап олицетворяют победы Наполеона¹⁴.

Множественность этапов «военной революции» побуждает некоторых авторов отказаться от самого термина «военная революция» и говорить о «военной эволюции». Однако, как отмечает В. В. Пенской, подобный радикализм не встречает серьезной поддержки среди исследователей¹⁵.

По-видимому первым исследователем, рассмотревшим влияние военной революции на социально-политическое развитие России, был американский историк Маршалл Поэ¹⁶. М. Поэ описывает тесную связь военной системы с финансовой и бюрократической организацией. В начале XVI в. русское войско состояло из всадников, которые получали поместья и находились на самообеспечении. Влияние происходившей в Европе военной революции сказалось в появлении в 1550 г. вооруженных огнестрельным оружием стрельцов. Стрельцы получали денежное довольствие и это побудило правительство Ивана IV к проведению финансовой реформы и переводу податей в денежную форму. Одновременно были созданы соответствующие финансовые и военно-учетные органы – приказы. Во время подготовки к Смоленской войне (1632–1634 гг.) на русской службе появились несколько «полков нового строя», укомплектованных иноземными наемниками и сражавшихся по-европейски. После окончания войны эти полки были расформированы и вновь созданы в 1650-х гг., во время войны с Польшей и Швецией. Это потребовало увеличения налогов и создания новых канцелярий. Если в 1640-х гг. в приказах насчитывалось около 800 дьяков и подьячих, то в 1690-х гг. их было около 2 тыс. Таким образом, военная революция привела к росту налогов и бюрократизации правительственного аппарата¹⁷.

Тема военной революции в России была продолжена в работе другого американского историка – Майкла Пола. М. Пол более подробно проанализировал обстоятельства создания стрелецкого корпуса и показал, что стрельцы были не похожи на западноевропейскую пехоту.

В составе стрельцов не было пикинеров, и они сражались под защитой полевых укреплений. Кроме того, в отличие от западных наемников, стрельцы представляли собой постоянное войско, причем дети стрельцов, как правило, также становились стрельцами. Таким образом, под вопрос был поставлен тезис о непосредственном западном влиянии на начало военной революции в России¹⁸.

Ни М. Поэ, ни М. Пол не затрагивали вопроса о влиянии военной революции на происхождение российского абсолютизма. Эта проблема была поднята в работе Честера Даннинга и Нормана Смита¹⁹. Даннинг и Смит придерживаются концепции Николааса Хеншелла²⁰, который поставил под сомнение существование абсолютизма в Европе. Сообразно этой концепции авторы не видят абсолютизма и в России. «В течение последних двух десятилетия XX века, – пишут Даннинг и Смит, – многие западные русисты перешли от изображения всесильных царей к представлению абсолютизма как полезного мифа, который скрывал высокую степень кооперации и согласия между царями и правящей элитой»²¹.

Разумеется, выводы Даннинга и Смита (как и работа Хеншелла) представляют лишь одну из возможных точек зрения, и дискуссию на тему о взаимосвязи военной революции и абсолютизма ни в коей мере нельзя считать законченной. Прежде всего необходимо отметить, что отношения между российской элитой (то есть дворянством) и самодержавием на протяжении XVI–XVIII вв. не были безконфликтными и говорить о «высокой степени согласия» на протяжении столь длинного периода не имеет смысла. Два пика самодержавия при Иване IV и Петре I были отмечены острыми конфликтами между аристократией и царями, и конечно, не является случайностью, что эти конфликты совпадают по времени с радикальными военными реформами. Таким образом, проблема становления абсолютизма в контексте теории военной революции требует дальнейшего рассмотрения.

Примечания:

¹ Essays in Swedish History. London, 1967. P. 195.

² Roberts M. Roberts M. Gustavus Adolphus. A History of Sweden. Vol. 2. London, N. Y., Toronto, 1958. P. 232; Нилус А. История материальной части артиллерии. Т. I. СПб, 1904, С. 142–143.

³ Нилус А. Указ. соч. С. 140, 146; Roberts M. Gustavus Adolphus... P. 233.

⁴ Roberts M. Essays in Swedish History... P. 195.

⁵ Roberts M. Op. cit. P. 64, 210, 238–241; Разин Е. А. История военного искусства. Т. III. СПб, 1994, С. 388, 396.

⁶ Roberts M. Gustavus Adolphus... P. 260–263.

⁷ Downing B. The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1992. P. 3.

⁸ Roberts M. Essays in Swedish History... P. 207.

⁹ Ibid. P. 207.

- ¹⁰ Кола Д. Политическая социология. М., 2001. С. 196–203.
- ¹¹ Roberts M. Essays in Swedish History... P. 213.
- ¹² Ibid. P. 203–205; Duffy M., ed., The Military revolution and the state, 1500–1800. Exeter, 1980; Downing B. Op. cit. P. 3, 10–11, 56, 77–78.
- ¹³ Пенской В. В. Великая огнестрельная революция. М., 2010.
- ¹⁴ Goldman E., Andres R. Systemic Effects of Military Innovation and Diffusion // Security Studies. 1999. Vol. 8. № 4. P. 79–125.
- ¹⁵ Пенской В. В. Военная революция в Европе XVI–XVII веков и ее последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 196.
- ¹⁶ Poe M. The Consequences of the Military Revolution in Muscovy in Comparative Perspective // *Comparative Studies in Society and History*. 1996. Vol. 38. № 4. P. 603–618.
- ¹⁷ Poe M. The Military Revolution, Administrative Development, and Cultural Change in Early Modern Russia // *The Journal of Early Modern History* 1998. Vol. 2. № P. 247–273.
- ¹⁸ Paul M. The Military Revolution in Russia, 1550–1682 // *The Journal of Military History*. 2004. № 8. P. 9–46
- ¹⁹ Dunning Ch., Smith N. Moving beyond absolutism: was early modern Russia a «fiscal-military» state? // *Russian History/Histoire Russe*. 2006. Vol. 33. № 1. P. 19–43.
- ²⁰ Henshall N. The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy. London, 1992.
- ²¹ Dunning Ch., Smith N. Op. cit. P. 36.